

Г. А. Белякова

*Листая летописи
220 лет с незабвенным
А. С. Пушкиным*

12+

Галина Белякова

**Листая летопись. 220 лет с
незабвенным А. С. Пушкиным**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Белякова Г. А.

Листая летопись. 220 лет с незабвенным А. С. Пушкиным /
Г. А. Белякова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга о времени и о судьбе замечательных писателей пушкинской эпохи, и о том, как получить заряд бодрости от классической литературы спустя 220 лет. Книга может служить дополнением к написанию сочинений. А также будет интересна тем, кто интересуется временем, в котором жили великие люди, оставившие свой след в русской культуре.

Двадцать первому почёт,
Грех поставим на учёт.
Век начнём с хороших дел,
Войны знали, чтоб предел.
Речь родную сбережём,
Сказки Пушкина возьмём
Мы с собою на века.
С ними сила велика!
Память предкам сохраним,
Вот, тогда и устоим!
Здравствуй, здравствуй,
Новый век, XXI!
2000 г.

Дорогой мой, любознательный читатель, я думаю, лишний раз вспомнить, а может быть, и узнать о давно прошедшем времени и людях, пишущих о своих чувствах виденного и своих переживаниях за судьбы своей страны, можно осуществить – перелистать книгу «220 лет с незабвенным Пушкиным».

Друзья А. С. Пушкина помогают мне (автору) раскрыть, понять образы (лица), выбранных мною тем, по моему духу, по моему понятию «хорошие люди».

Начиная с лицеистов и замечательных учителей, которые привили лицеистам чувства любви, патриотизма к России, которые потом стали декабристами (И. И. Пущин, А. А. Дельвиг и др.); поэтов, писателей пушкинского круга Н. М. Языкова, В. А. Соллогуба, «Воспоминания князя Палавандова» об Александре Пушкине. О «Московских элегиях» М. А. Дмитриева, пушкинской эпохи. Далее расскажу об одиночестве Н. В. Гоголя и А. О. Россет, и о ссыльных Т. Г. Шевченко, В. Г. Короленко, и о «сибирской тетради» Ф. М. Достоевского. О замечательном поэте Ф. И. Тютчеве можно писать и рассуждать сколько душе угодно, и у каждого читателя найдётся своя думка. Нельзя обойти «Маленькую каплю» – о русском языке, так и В. В. Набокова – влюблённого в русский язык, в свою Россию, где бы он ни жил. «Встреча Нагибина и С. Моэма, британским писателем» в Париже двух писателей разного поколения расскажет о творческом пути писателей.

И без «Деревни» прожить нельзя, так же, как без Г. Р. Державина «Таким он был», и без «Маленькой хозяйки муз» лесбиянки Сафо с острова Лесбоса.

Всего Вам, доброго, в путь, дорогой читатель!

С уважением, автор Галина Александровна Белякова, Член СП РФ, Международной ассоциации писателей и Российского СП, СП Республики Крым

Для контакта: galomend@mail.ru

И. И. Пущин (4 мая 1798 – 3 апреля 1859)

Тема: Хорошие люди, а почему отнесла его к хорошим людям? Поставила вопрос и теперь пытаюсь сама себе ответить.

Два обстоятельства навсегда вписали имя Ивана Ивановича Пущина в историю нашего отечества – дружба с Пушкиным и принадлежность к движению декабристов. «Мой первый друг, мой друг бесценный», – сказал о нём Пушкин, ясно и просто определив место Пущина в своей жизни. Но в николаевской России не было места таким, как Пущин. В июле 1826 года Верховный уголовный суд приговорил его за участие в восстании декабристов – неудавшейся попытке повернуть ход российской истории – к вечной ссылке в Сибирь на каторгу.

1.

Декабрист Иван Иванович Пущин родился 4 мая 1798 г. в большой семье (кроме него в ней было одиннадцать детей), ведущей родословную от начала XVI века. Несмотря на то,

что отец Пущина владел несколькими сотнями крепостных крестьян, семья не была богатой. Активное служение отечеству, сопровождающееся продвижением по службе, чинами и наградами – такова была семейная традиция. Дед Пущина – адмирал Пётр Иванович Пушин, был сенатором, отец – генерал-лейтенант Иван Петрович – генерал интендантом флота и также сенатором, сенатором был и дядя Пущина, Павел Петрович.

Когда я написала посвящение А.С. Пушкину:

К тебе пришли мы, милый Пушкин,
Увидеть образ твой в граните.
Как школьный друг бы, верный Пушин,
К тебе пришёл бы по наитью...

Задумалась... Да, пришёл бы, пришёл, как приходил навестить своего друга Александра по лицу. Об этом рассказал нам сам И. И. Пушин в воспоминаниях.

2. О старине.

Так Пушин назвал свои воспоминания о Лицее. В августе 1811 года, дед мой, адмирал Пушин, повёз меня и двоюродного брата Петра, к тогдашнему министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому. Старик, слишком 80-летний, хотел непременно сам представить своих внучат, записанных по его же просьбе в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самым своим названием поражало публику в России – не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали со своими учениками. Лицеем – Ликеем – называлась одна из трёх афинских гимназий, расположенная возле храма Аполлона Ликейского. Лицей основал в 335 г. до н.э. Аристотель.

Царскосельский лицей создан был по проекту М.М.Сперанского.

«Постановление о лицее», утверждённое Александром I 12 августа 1810г., рассматривало его как высшее учебное заведение для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям государственной службы. Первый набор, к которому принадлежали Пушкин, Пушин, состоял из 30 учащихся. Открытие Лицея состоялось 19 октября 1811 года.

Этот день, 19-ое октября! Памятный нам, первокурсным, не раз был воспет Пушкиным в незабвенных его для нас стихах, знакомых больше или меньше и всей читающей публике.

Директором Лицея был назначен известный просветитель-демократ В.Ф.Малиновский, автор «Записки об освобождении рабов» (1802) и трактата «Рассуждение о войне и мире» (1890), где изложил проект установления вечного мира как «условия нераздельного с истинными успехами человечества». Статьи его, печатавшие в журналах, были пронизаны идеями патриотизма, равенства всех людей и народов. Лицеистам внушалось, что в области правления в России предстоит ещё сделать очень многое для благосостояния народа. Ведущее место в пропаганде такого рода идей принадлежало профессору А. П. Куницыну, читавшему в Лицее курс политических и нравственных наук. Годы учения в Лицее совпали с великими событиями мировой истории – Отечественной войной 1812 года.

Герои войны 1812 года – декабристы – вышли 25 декабря 1825 года на Сенатскую площадь с протестом против абсолютизма и крепостничества (порабощения не только экономического и политического, но и культурного, личного).

«19 октября» Пушкин писал: Куницыну дань сердца и вина!

Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Слава Куницына гремела тогда по всему Петербургу. «В рассуждении первоначальных прав все люди как нравственные существа между собой совершенно равны, – внушал Куницын 15-17-летним юношам, готовившим себя к государственной службе, – ибо все имеют одинаковую природу, из которой проистекают все общие права человечества». Куницын особенно

подчёркивал, что люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты». В системе преподавания предполагалось неперенное знакомство юношей с лучшими произведениями западноевропейских буржуазных экономистов, философов и публицистов – и картина разительного разрыва между российской действительностью и достижениями передовой мысли были налицо. Лицеистам внушалось, что в области правления в России предстоит ещё сделать очень многое для благосостояния народа.

И.Пуцин: – Несознательно для нас самих мы начали в лицее жизнь совершенно новую, иную от всех других учебных заведений. Через несколько дней после открытия директор Лицея объявил предписание министра, которым возбраняется выезжать из лицея, а что родным дозволено посещать нас по праздникам. Разумеется, временное волнение прошло, как проходит постепенно всё, особенно в юные годы. Теперь, разбирая беспристрастно это неприятное тогда нам распоряжение, невольно сознаёшь, что в нём-то и зародыш той неразрывной, отрадной связи, которая соединяет первокурсников лицея – Друзья мои, прекрасен наш союз:

Он как душа неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен!
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы; нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

3

Несмотря на то, что круг общения позже был разным – Пушкин кружился в большом свете, а Пуцин был дальше от него. Летом маневры и другие служебные занятия увлекали Пуцина из Петербурга. Всё это, однако, не мешало им, при всякой возможности, встречаться с прежней дружбой и радоваться встречам у лицейской братии, которой уже немного оставалось в Петербурге; больше свидания были с Пушкиным у домоседа Дельвига.

Но, «Друг Пушкина», «декабрист» – этого ещё было недостаточно, чтобы объяснить огромную притягательную силу Пуцина. Для тех, кто знал И.Пуцина, не было никакой загадки. Его современники, люди различных политических взглядов, разного возраста, социального положения, противоположные во всём, в одном – отношении к И.И.Пуцину – оказывались удивительно единодушными. Среди декабристов, которых по праву можно считать цветом русского общества первой четверти XIX века, Пуцин занимал совершенно особое, одному ему свойственное место. «Мало найдётся людей, которые бы имели столько слов, говорящие в их пользу, как Пуцин, – сказал о нём Н.В.Басарыгин, кратко выразив общее мнение декабристов.

В Сибири с особой силой проявился дар Пуцина привлекать к себе всех гонимых. Ссылные поляки отзывались о нём как о «бриллианте среди декабристов». Польский революционер Руциньский говорил о нём: « Много благородства в характере, отзывчивый и щедрый, притом весёлый и остроумный, любим был повсюду. В женщинах был безмерно счастлив. Всем сердцем любил свою родину, но без фанатизма. Основательно знал отечественную литературу, правильно, даже красиво говорил и писал по-русски. Патриотизм его был истинным, просвещённым, вызывал симпатию и уважение. Эти взгляды поставили его выше всех его товарищей». Так Пуцин воспринял учения своих преподавателей лицея – В.Ф.Малиновского, А.П.Кунцына.

После тридцати лет каторги и ссылки Пуцин ни в чём себе не изменил. В первых письмах Пуцин сообщает Е.К.Энгельгарду: « Я приносил свою лепту в общее дело. И много уже перенёс, и ещё больше предстоит в будущем, если богу угодно будет продлить надрезанную мою жизнь; но всё это я ожидаю, как должно человеку, понимающему причину вещей и непре-

менную с тем, что рано или поздно должно восторжествовать, несмотря на усилия людей – глухих к наставлениям века».

4

Конечно, были и другие мнения о Пущине. Историк Лицея Н.Гастфрейнд в 1913 году: «Пущин – вот личность не по заслугам раздутая! Не проявив никакого исключительного участия ни в заговоре, ни в самом бунте, Пущин, тем не менее, сохранил за собою ореол сочувствия, приобрёл нимб декабристской святости... Единственное важное дело, которое он совершил в жизни, это то, что он не увлёк за собою Пушкина и написал о нём свои воспоминания».

Да, не увлёк, на это были душевные размышления Пущина о своём друге: «Странное смешение в этом великолепном создании! Никогда не переставал я любить его, писал Пущин; но невольно, из дружбы к нему, желалось, чтобы Александр, наконец, настоящим образом взглянул на себя и понял своё призвание. Видно, не могло, и не должно было быть иначе, – видно, нужна была и эта разработка, коловшая нам, слепым глаза. Хотелось, чтобы он не переступал некоторых границ и не профанировал себя, если можно так выразиться, сближение с людьми, которые, по их положению в свете, могли волею и неволею набрасывать на него некоторого рода тень».

Но, Александр Сергеевич Пушкин был не тот человек, чтоб сдерживать свои порывы, из-за чего он страдал, сам не ведая этого. В январе 1820 года Александр I, пригласил пройти по саду директора лицея и сказал:

«Энгельгард! – сказал ему государь. – Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводил Россию возмутительными стихами; вся молодёжь наизусть их читает». Директор на это ответил: «Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника; в нём развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди ещё большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушные ваше, государь, лучше вразумит его!».

Пушкина тогда командировали от Коллегии иностранных дел, где состоял на службе, к генералу Инзову, начальнику колоний южного края, с ним Пушкин переехал из Екатеринославля в Кишинёв, а впоследствии оттуда поступил в Одессу к графу Воронцову по особым поручениям.

В это время Иван Пущин, сбросив конно-артиллерийский мундир, преобразился в судьи уголовного департамента Московского надворного суда. Переход резкий, имевший тогда своё значение.

В 1824 году Пущин узнаёт, что Пушкин из Одессы сослан на жительство в псковскую деревню своего отца, под надзор местной власти, – надзор этот был поручен Пещурову, предводителю дворянства Опочковского уезда, да ещё отдан под наблюдение архимандрита Святогорского монастыря, в 4-х верстах от Михайловского. Эти сведения были сложные и не разрешимые для понятия лицеистам такого исхода по отношению к Пушкину.

И.Пущин, зная всё это, решил навестить друга, несмотря на некоторые опасения, которые высказывали А.И.Тургенев, и дядюшка Александра В.Л.Пушкин.

Встречу незабвенную, да и последнюю, так вспоминает Пущин:

«...На крыльце вижу Пушкина босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Мы смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один – почти голый, другой – весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через 33 года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной,

впрочем, она всё поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, – чуть не задушил её в объятиях.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьёзнее прежнего, сохраняя, однако ж, ту же весёлость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему ещё не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всём проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: и не было конца в неумолкаемой нашей болтавке. Наружно он мало переменялся, оброс только бакенбардами; я нашёл, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в «Северных цветах» и теперь при издании его сочинений П.В. Анненковым.

Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего изгнания в деревню; он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из ревности; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии. Его интересовало все, и тщательно спрашивал о том, что говорит Петербург о нём, про всех первокурсниках лицея, почему, каким образом из артиллериста я преобразовался в судьи. Это было ему по-сердцу, он гордился мною и за меня!

Написал строфы – И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада.
Поэта дом опальный.
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанье день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.
Ты освятил тобою избранный сан:
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

За разговорами, воспоминаниями время пролетело быстро, время за полночь. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидемся в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отрадno промелькнувшего дня. Пушкин что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!».

Пущин осуждён. 1825-го года, 5 января, отправили из Шлиссельбурга в Читу, где он соединился с товарищами изгнания и заточения, ранее прибывшие в тамошний острог.

В июле 1826 года Верховный уголовный суд приговорил его за участие в восстании декабристов – неудавшейся попытке повернуть ход российской истории – к вечной ссылке в Сибирь на каторгу.

Что делалось с Пушкиным в это время, Пущин не знал, но знал, что в Сибири первым встретил его задушевым словом друг:

« Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благославил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье

Лучом лицейских ясных дней!

Псков, 13-го декабря 1826

5.

Воспоминания декабристов, обречённые судьбой в течение тридцати лет вместе переносить тягости ссылки -

М.С.Корсаков из « Путевых записок во время поездки в Сибирь и на Дальний Восток:

– Отнесу посылки несчастным, как их здесь, называют... Отправился к Матвею Ивановичу Муравьёву-Апостолу, который, узнав, что я приехал в Ялуторовск, прислал за мной лошадь. У него нашёл я и прочих: то есть Ивана Дмитриевича Якушкина и Ивана Ивановича Пущина. Жаль, мне было прощаться с ними, так радушно они приняли меня и с таким чувством благодарили меня за то, что к ним в Ялуторовск заехал. Бедные люди! Странно! Люди они мне чужие, провёл я с ними день и так сблизился, как будто давно уже были мы знакомы. А полюбил я их....

Н.В. Басыргин -

– Ялуторовский товарищ мой Пущин, умерший в России в 1859 ., был общим любимцем, и не только нас, то есть своих друзей и приятелей, но и всех тех, кто знал его, хотя сколько-нибудь.

Открытый характер Пущина, его готовность оказать услугу и быть полезным; его прямоту, честность, в высшей степени бескорыстие высоко ставили его в нравственном отношении; а красивая наружность, особенный приятный способ объясняться, умение, кстати, безвредно пошутить и хорошее образование, полученное в Лицее, увлекательно действовали на всех, кто был знаком и кому случалось беседовать с ним в тесном дружеском кругу.

Выйдя из Лицея в гвардейскую артиллерию, где ему представлялась блестящая карьера, он оставил эту службу и перешёл в статскую, заняв место надворного судьи в Москве.

Этот переход в те времена осуждали, потому что статская служба и особенно в низших инстанциях, считалась чем-то унижительным для знатных и богатых баричей. Его же именно и была цель показать собою пример, что служить хорошо и честно своему отечеству всё равно где бы то ни было, и тем, так сказать, возвысить уездные незначительные должности, от которых всего более зависит участь низших классов. Можно сказать, что тогда он уже принадлежал к обществу и, следовательно, полагал, что этим он исполняет обязанность свою как полезного члена в видах его цели; хлопотал он всю свою жизнь за других.

Из воспоминаний Е.И.Якушкина, когда он впервые приезжал в Ялуторовск, навещать отца в конце 1853г.-

–Сблизиться с И. И.Пушиным мне было легко, так как он был дружен с моим отцом. С первого же дня знакомства между мною и им установилась тесная связь, не прерывавшая до самой его смерти. Большой интерес для меня представляли его рассказы, особенно о его лицейской жизни и об отношениях его к А.С.Пушкину. Часть всех рассказов я написал тогда же, но эта краткая запись казалась мне очень бледной в сравнении с живой речью Пущина, поэтому я не один раз просил его написать про его воспоминания о Пушкине.

И только 1857 году, на склоне лет, после долгих колебаний, он решился связать жизнь с вдовой своего друга, декабриста М. А. Фонвизина – Натальей Дмитриевной, женщиной незаурядной, духовно ему близкой. После свадьбы они поселились в подмосковном имении Фонвизиных Марьино, в версте от небольшого уездного городка Бронницы. Здесь Пущин работал над воспоминаниями о Пушкине, советуется с Е.И Якушкину пишет: «Как быть? Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься – и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине. Как, бывало, говаривали мы о нём при первых встречах в доме Бронникова, (дом вдовы Бронниковой), где Пущин жил в Ялуторовске, Сибирь, с 1843– 1856 гг.

До этого была каторга: Чита, Тобольск (Петровский завод), Иркутск, Ялуторовск.

6

Я думаю, мой читатель, мысль моя о хорошем человеке великодушном, с обострённым патриотическим чувством подвигается к концу. Теперь – то я могу сделать вывод по «Запискам о Пушкине и письмам И. И. Пущина – это свидетельство таланта, нравственной высоты, исключительной гуманности, благородства и терпимости, которые составляли суть его личности. Таких людей бывает мало, поэтому они хорошо запоминаются. Ненавязчивый, спокойный характер Пущина, даже вдали от дома, в суровых условиях, делает своё дело – он любим!

Февральская позёмка в степи
Февральская позёмка чуть, немножко запоздала,
С весной решила поиграть в снежок.
Метель снежинки распыляет в дальнем поле, вдали,
И нет дорог, исчез и след полоз.
И санный путь под ветром ямщику не виден боле,
Лишь слышен усыпляющий мотив
Бубенчиков дорожной песни под метельным сбоем,
Да лошадиный храп, всё впереди.
Судьба сибирская, кандальная сурова, ёмка.
Здесь осуждают ссыльных на года...
Там, в рудниках, все судьбы будут ломки,
И чувства меркнут разом навсегда.
Не убежать, не скрыться в чистом поле, всё напрасно,
И снег, и думы в мыслях всё одни –
За что наказан человек жестоко, злобострастно,
И молодая жизнь им не сродни.
Так тянутся лета холодною позёмкой, стужей,
Душа в смятенье чуть жива живёт.
Когда суров бывает век, или ещё похуже... -
– Восстанет духом тот, кто угнетён.

2017 г.

Литература: А.С.Пушкин в письмах Карамзиных; И.И.Пущин записки о Пушкине;
Панаев И. «Воспоминания»

А.А.Дельвиг (1798 – 1831гг.)

Из числа тридцати лицеистов, друзей Пушкина, незамедлю напомнить о Дельвиге.

Антон Антонович Дельвиг носил баронский титул, но на вопрос служебной анкеты: "сколько имеет во владении мужского пола душ, людей, крестьян?" -

чистосердечно отвечал: "не имеет". По отцу он происходил из прибалтийских немцев (мать, Любовь Матвеевна Красильникова – из бедной русской дворянской семьи), но ни единого слова не знал по-немецки, что и было с прискорбием замечено на вступительном экзамене в Лицей. Впрочем, и по французскому языку он получил не самую высокую оценку – "преслабо", но после некоторого колебания был всё же принят по ходатайству московского главнокомандующего, по просьбе отца.

Дельвиг-старший был помощником коменданта Московского Кремля. Антон Дельвиг с Александром Пушкиным гордились тем, что родились и провели детские годы в древней столице. Однако встретиться до Лицея им не довелось.

В лицее Дельвиг отличался только познаниями в российской словесности, да и те не склонен был проявлять в классе. Все остальные лекции и занятия проходили для него как в тумане: он дремал.

Тогда и родилась полулегенда-полубыль о небывалой, феноменальной, неодолимой и всепобеждающей лениности барона Дельвига. Пушкин отдал дань этим общим представлениям о Дельвиге:

Дай руку, Дельвиг! Что ты спишь?

Проснись, ленивец сонный!

Ты не под кафедрой сидишь,

Латынью усыплённый.

Дельвиг охотно поддерживал свою репутацию безмятежного ленивца:

Я благотворности труда

Ещё, мой друг, не постигаю!

Лениться, говорят, беда,

А, я в беде сей утопаю.

Был ли он ленив на самом деле. Едва ли. Скорее, это была манера поведения, некий темп жизни, усвоенный в детстве и перешедший в стойкую привычку. Дельвиг не суетился, а размышлял.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский лицей. Способности его развивались медленно. В нём заметно была только живость воображения.

Приезд Г.Р. Державина в лицей на экзамен был для Дельвига необыкновенным счастьем, Державин долго оставался для него высоким творческим образцом. И в Пушкине Дельвиг видел его преемника.

Директор лицея был точен к истине в оценке Дельвига: " В его играх и шутках проявляется определённое ироническое остроумие, которое после нескольких сатирических стихотворений сделало его любимцем товарищей.

Пресловутая лень не помешала Дельвигу после лицея стать душой пушкинского круга писателей; организатором многих литературных начинаний – издателем, составителем и редактором семи книжек альманаха "Северные цветы", двух – альманаха "Подснежник" и "Литературной газеты"(1830). К тому же Дельвиг сочинял стихотворные послания, песни, подражания поэтам древности, идиллии, оды, составившие теперь, когда его наследие собрано воедино, солидную книгу. Это при том, что Дельвинг, никаких наследственных капиталов не имел и должен был всегда заботиться о хлебе насущном.

1827 г., по средам и воскресеньям, а то и каждый день, квартира Дельвигов в трудные последекабрьские годы становилась даже не в литературном салоне, а своего рода прибежищем писателей пушкинского круга.

Там же помещалась редакция "Северных цветов", где Софья Михайловна (жена) пыталась исполнять обязанность секретаря и переписчика.

Дельвиг умел распознавать литературные дарования и его готовность, порой в ущерб себе, помогать молодым поэтам. Крылов и Жуковский, по свидетельству современников, высоко ставили способность Дельвига угадывать будущих поэтов. Он и сам в сонете, посвящённом Н. М. Языкову, с гордостью посвящает сонет Н.М.Языкову-

"...Младой певец, дорогою прекрасной

Тебе идти к парнасским высотам.

Тебе венок (поверь моим словам)

Плетёт Амур с Каменной сладкогласной"

Из письма А.С.Пушкина к А.А.Дельвигу -

На днях попались мне твои прелестные сонеты – прочёл их с жадностью, восхищением и благодарностью за вдохновенное воспоминание дружбы нашей.

Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной Музе Баратынского.

Александра Пушкина и певца "Пиров" – Баратынского Дельвиг любил всем сердцем. Он ни во что не ставил свой поэтический дар в сравнении с их гением.

Великого Пушкина первым услышал и оценил Антон Дельвиг.

Пушкин! Он и в лесах не скроется: Лира выдаст его громким пением.

Философ и критик И.В.Киреевский заметил, что Дельвиг "выше всего является в своих русских песнях". Он был прав: песни Дельвига, положенные на музыку многими композиторами, живут до сих пор. Кто не помнит "Соловья" А.А.Алябьева, "Не осенний мелкий дождичек" М.И.Глинки, "Пела, пела пташечка" А.Г.Рубинштейна, А ведь всё это слова Дельвига!

(В 1984 г. в Ленинграде на Загородном проспекте, где в 1829-1831 гг. жил А.А.Дельвиг, установлена мемориальная доска), прим. автора.

Воспоминания печорского князя

Князь Палавандов был очень молодым юношей, с ограниченным, как у грузина и тифлисского жителя, наблюдательным кругозором, как описал его Сергей Васильевич Максимов, когда имел с ним беседу в 1850-е годы, где тифлисский князь жил в Поморском крае...

Князь слышал про Марлинского (А. А. Бестужева), чуть помнил об А.Грибоедове и лично видел А. Пушкина. Всех яснее у Евсевия Осиповича, князя, запечатлелся образ А. С. Пушкина. О нашем любимом поэте мы можем слушать и читать, и не устаём узнавать, улавливать новую информацию.

И вот что он рассказал писателю, знатоку простонародной России. С. В. Максимов представлял собою сокровищницу наблюдений и знаний в этой области. В каждом произведении Максимова была видна оригинальность, новизна, жизненность произведений. Его имя почти всегда упоминается в ряду других деятелей русского народоведения (П. И. Якушкин, И. Г. Прыжов) и даже выше из многочисленных литераторов-этнографов. Но это будет отдельный рассказ. Обо всём сразу не расскажешь.

О чём же поведал печорский князь Евсевий Осипович Палавандов? Сейчас узнаем:

«Наша грузинская аристократия любила блеск, пышность. Княжеский титул – превыше всего. Многие роды вели своё происхождение прямо-таки от царей Вахтанга V и Георгия, внуков последнего, отдавшего России со всею страной в 1800 году, особенно ласкали и баловали. Попасть в княжеские дома было нелегко.

На встрече нового помещика, графа Паскевича, за почётным обедом, между прочим, для парада прислуживали сыновья самых родовитых фамилий в качестве пажей. Так вот и я числился в пажах и присутствовал.

Я был поражён и не могу забыть испытанного мною изумления: резко бросилось в глаза на этом обеде лицо одного молодого человека – я его как сейчас вижу перед собой в подробностях.

Он показался мне с растрёпанной головою, не причёсанным, долгоносим. Он был во фраке и белом жилете. Последний был испачкан так, что мне показалось, что он нюхал табак! Он за стол не садился, закусывал не ходу. То подойдёт к графу, то обратится

к графине, скажет им что-нибудь на ухо – те засмеются, а графиня просто прыскала от смеха.

Эти шутки составляли потом предмет толков и разговоров во всех аристократических кружках: откуда взялся он, в каком звании состоит и кто он такой – смелый, весёлый, безбоязненный?

Всё это казалось тем более поразительным и загадочным, когда, даже генерал-адъютанты, состоявшие при кавказской армии, выбирали время и добрый час.

А тут помилуйте! – какой-то господин безнаказанно заигрывает с этим зверем и даже смешит его.

Когда узнали, что он русский поэт, начали смотреть на него, по нашему обычаю, с большею снисходительностью.

Готовы были отдать ему должное почтение как отмеченному божьим перстом, если бы только могли примириться с теми странностями и шалостями, какие ежедневно производил он, ни на кого и ни на что, не обращая внимания.

Любил армянский базар – торговую улицу, узенькую, грязную и шумную. Отсюда шли о Пушкине самые поражающие вести: там видели его, как он шёл, обнявшись с татаринном; в другом месте он переносил открыто целую стопку чурехов. На Эриванскую площадь выходил в шинели, накинутой прямо на ночное бельё, покупал груши и тут же, в открытую и, не стесняясь никем, поедал их.

Из Тифлиса ездил он и подолгу гащивал в полковой квартире Раевского, откуда привозили подобные же вести: генерал принимает подчинённых в мундирах, вытянутыми в струнку, а из соседней комнаты в ночном белье пробирается этот странный человек, которого по всем правам обязаны почитать. А он вот этого-то самого от наших грузин и не хочет, несмотря на то, что все хорошо знали, что он народный поэт. Не вяжется представление: не к таким привыкли. Наши поэты степеннее и важнее самых учёных.

Наш (грузинский) поэт должен сидеть больше дома, и придя в гости, молчать, он обязан ценить каждое своё слово на вес золота и на площадях и на ветер речи свои не выпускать. Каждое его изречение непременно должно выражать собою практическое правило, и чем лучше и красивее та форма, в которую оно облекается, тем поэт почётнее и уважение к нему больше.

Пушкин пробыл в Тифлисе одну неделю, а заставил говорить о себе и покачивать многотрудно головами потом не один год. Это я очень хорошо помню».

II

О Грибоедове, тёзке А. С. Пушкина, у него было другое впечатление. А. Грибоедов в Тифлисе был гораздо больше, и был он раньше Пушкина.

«А. С. Грибоедов – секретарь персидской миссии, он недавно исполнил поручение – переселял из Персии армян в Россию; чиновник по дипломатической части при великом генерале Ермолове – чего ещё больше?

Когда арестовали Рылеева-декабриста, в его бумагах нашли письма А. Грибоедова. Поэтому его ночью тайно схватили и увезли в Петербург. Грибоедов успел оправдаться и вернулся назад с рассказами. Шёпотом толковали о том, что в Петропавловской крепости сидел он, отделённый дощатою перегородкой, рядом с тем жидом, который держал по подряду почту для сношений соединённых славян южного общества с северным тайным петербургским обществом. Жид до того явно трусил, неистовые порывы его оробелого духа не только были смешны, но и надоедали соседу. Грибоедов стал высказывать всем своё твёрдое намерение написать комедию «Жид тюрьме», исполнил ли?

Перед близкими людьми А. Грибоедов шутливо оправдывал свою невинность и непричастность к заговору тем, что написал «Горе от ума» с прозрачными намёками, которые не умели-де понять, а в Чацком (герой рассказа) могли бы заподозрить любого либерала из вернувшихся из-за границы молодых гвардейцев того времени.

По возвращении в Тифлис Александр Сергеевич Грибоедов выпросил у наместника Паскевича позволения жениться. Ему, на счастье, досталась красавица Чавчавадзе, за которую раньше сватался племянник Ермолова, но суровый и строгий генерал не любил, чтобы в боевой армии его находились женатые офицеры, и расстроил брак.

Вот почему и уцелела для Грибоедова красавица Нина Александровна, которую он увёз с собой в Тегеран, отправившись туда посланником и а смерть.

Сестра А. С. Грибоедова желала иметь землю с могилы брата, так я её в мешочке вручил ей в Москве, через которую провожали меня в ссылку в финляндские батальоны».

III

Теперь, мой дорогой читатель, можно узнать немного и о печорском князе, которого отправляли в ссылку, и за что?

Евсей Осипович Палавандов действительно был в опале и в ссылке, обвинённый в участии в заговоре, о котором мало что известно, но организация которого, не лишена интереса. (Палавандов не любил об этом рассказывать, о чем нас предупредил С. В. Максимов). Не вспоминал он и не сетовал даже на то суровое время, которое привелось ему провести в исправительных финляндских батальонах, отличавшихся не только строгостью, но и жестокостью в обращении с жертвами дисциплинарных взысканий. Незлобивый, добрейший человек вычеркнул из своей ссылке эти годы и постарался забыть о них. Для него Финляндии не существует, а есть вот прямо перед глазами облюбованная им Печора и застилающаяся в памяти милая, родная, роскошная и цветущая Грузия.

Послесловие

Познакомившись с рассказом князя печорского о нашем Пушкине, о проведённых днях в Грузии, мне захотелось защититься от таких воспоминаний. Мне было не очень лестно узнать такое воспоминание. Но в то же время русский характер поэта, русская душа и раздолье, к которым иногда, позабывшись, стремится русская молодёжь, и отразились на первых порах вступления в свет молодого Александра.

«Грузия с её чудными окрестностями, южным небом, долинами, исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразили поэта. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию. Его имя уже имело в себе что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь из досужих марателей выставить его на своём творении, уже оно расходилось повсюду», – так писал о Пушкине Н. Гоголь в те времена (1847 год).

Не мудрено, что время было молодое. Александр Сергеевич Пушкин сам вспоминал это время, когда писал свои воспоминания " Путешествие в Арзрум", в 1829 году. В Тифлисе Пушкин надеялся найти Раевского, но, узнав, что полк его уже выступил в поход, решился просить у рафа Паскевича позволения приехать в армию. В Тифлисе он пробыл около двух недель и познакомился с тамошним обществом.

Когда в Арзруме уже развивались русские знамёна над арзрумской цитаделью, в русском лагере находились пленные. Один из пашей, увидев Пушкина во фраке, он спросил, кто этот человек. Пуцин дал своему другу титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился ему, сказав через переводчика: "Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы , бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются". Восточное приветствие паши всем очень понравилось .Около лагеря Пушкин увидел молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с бурдюком за плечами. Он кричал во всё горло. Ему сказали, что это был брат его, дервиш, пришедший приветствовать победителей.

На обратном пути Пушкин вновь остался в любимом Тифлисе несколько дней в любезном и весёлом обществе.

Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 тысяч жителей увести в плен (1795 г.) Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г.

Да, в этом же путешествии Пушкину пришлось повстречаться с грузинами, которые сопровождали арбу в Тифлис с телом убитого Грибоедова.

"Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален, и имел странные предчувствия" – вспоминал Пушкин.

Евсей Осипович Палавандов не всё рассказал о А.С.Грибоедове, а может быть, и не знал, что Грибоедов погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства.

01.2014 г.

Жизнь Н.М Языкова в письмах

1.

«Помните ли вы, Языкова, в блистательное его время, в 1830-х годах, в Москв. Когда он, бывало, среди дружеской беседы ... свежий и румяный, в русых кудрях, украшенный цветами, подняв голубые глаза кверху, начинал произносить свои стихи, полные жизни и силы, пламенные, громозвучные; и вся шумная беседа умолкала около восторженного поэта и, притаив дыхание, слушала его вещую песнь; казалось, это юный Вакх, в лавровом венце, сияющий и радостный, поёт, возвращаясь из Индии», – такими сравнениями одаривает М. П. Погодин в журнале «Москвитянин» в своих воспоминаниях поэта Н. М. Языкова.

«Ужасную новость сообщил сию минуту кн. Вяземский: не стало и поэта Языкова! Боже, всё лучшее падает, давая простор невежеству и бездарности.

Как это известие поразит и Гоголя и Жуковского! Они, после Пушкина, на нём только и отдыхали мыслию», – сокрушался П. А. Плетнёв.

Внешняя жизнь поэта Языкова была очень проста и обыкновенна; деятельность его была на поприще мысли и слова. Можно узнать многое из жизни поэта по стихам его.

Едва Николай Языков начал писать – его голос был услышан

Он ещё учился в университете, а его поэтическая слава прочно встала на ноги. Издатели приглашали его сотрудничать в журналах и альманахах. Он учился в Дерпте, городе, в котором процветал тогда немецкий дух. Небольшая кучка русских студентов теснилась вокруг Ямщикова. Его стихи становились песнями, и часто жители Дерпта собирались на берегах Эмбаха послушать, как поёт удалой хор русских студентов, плывущих на лодке:

Из страны, страны далёкой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

«Избыток чувств и сил», «буйство молодое» нашёл в стихах Языкова Пушкин.

О том же говорил Баратынский: «Языков, буйства молодого певец роскошный и лихой!» Стремительно летящий, упругий, полный жизни стих Языкова быстро завоевал себе место в русской поэзии. Языков вырос на Волге, волжская песенная стихия пробудила в нём поэта. Очень скоро он осознал её как самоценный художественный мир. И Языков стал записывать былины, песни, баллады о «добрых молодцах», Ермаке и Стеньке Разине, о «солдатах беглых, беспачпортных», о «лодочке не ловецкой, молодецкой, воровской...» Недаром же,

не где-нибудь, а здесь, на Волге, в Симбирске, во время одной из страшных волжских бурь возник незабываемый «Пловец»:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено...

2

Из воспоминаний А. Н. Татаринова, 1870 год, сокурсника по Дерптскому университету, Николая Языкова:

«Николай был всех нас богаче: ему доставляли из дому ежегодно до 6 тысяч рублей, несмотря на это, у Языкова никогда не было денег. При получении денег он тотчас же раздавал их своим заимодавцам и снова жил на пух, т. е. в долг. При нём был крепостной человек, который обращался с ним нецеремонно. Языков часто платил за него трактирные долги.

Вообще Языков не был словоохотен, не имел дара слова, редко вдавался в прения и споры и только отрывистыми меткими замечаниями поражал нас. Мы все его любили за его редкую

доброту и гордились его поэтическим талантом, ожидая от него нечто великого. Сам он редко говорил о своих стихах и не любил читать их. Все его стихи, даже самые ничтожные, выучивались наизусть, песни его клались на музыку и с любовью распевались студенческим хором. Без Языкова наша русская, среди немцев, колония, слушая немецкие лекции, читая только немецкие книги, была бы совершенно чужда тогдашнему литературному в России движению, но он получал русские журналы, альманахи, вообще всё новое и замечательное в русской литературе». И далее Татаринов вспоминает:

«В 1827 году в последний год своего пребывания в Дерпте Языков нанял квартиру почти за городом, вместе с другом Петерсоном подалее от соблазнов, чтобы подготовиться к экзаменам в Московском университете. В это же время Николай начал страдать приливами к голове, хотя, по-видимому, казался очень здоровым: он был толст, краснощёк, моложав и силен, но от всякого внутреннего движения кровь кидалась ему в голову, и часто среди весёлой беседы, когда он расхохочется, должны мы были обливать его холодной водой; будучи от природы очень смешлив, он всячески удерживался от хохота и зажимал себе рот платком. Попойки также вредили его здоровью, и он старался избегать их, но почти всегда увлекался нашими неотступными просьбами. Не только университетские лекции и книги образуют человека, но самая студенческая жизнь; даже сходки и пирушки некоторым образом способствуют его развитию, дают крепкую веру в просвещение, в прогресс человечества. На последних сходках, (в особенности по настоянию Языкова), пелись вместо немецких, преимущественно русские народные и цыганские песни, и с восторгом пелись песни Языкова».

После таких воспоминаний Татаринова, мне захотелось, не откладывая в долгий ящик, перелистать стихи Языкова, где бытует его жизнь... Жизнь интересного человека во всех направлениях – житейского, поэтического, как добрейшего человека.

Но я отвлекусь чуть и вспомню про словоохотливость.

Люди бывают совершенно разными, со своими особенностями, которые проявляются в молодом или в пожилом возрасте, но такое бывает. Вот как описал случай Шеллинг, когда он навел Шиллера: «Пробыть с ним долго я не смог. Это удивительно, как знаменитый писатель может быть таким робким в разговоре. Он смущается и опускает глаза. Что остаётся делать собеседнику? Его робость передаётся в ещё большей степени тому, кто говорит с ним. Этот человек, когда пишет, как властелин обращается с языком, и приходит в затруднение из-за простейшего слова, когда говорит».

3

Н. М. Языков родился в Симбирске 4 марта 1803 года. Отец Михаил Петрович Языков был состоятельным помещиком. Мать, Екатерина Александровна, урождённая Ермолова, была в близком родстве со знаменитым генералом Ермоловым

Сочинять стихи Николай Языков начал лет с 10–11. В первом литературном кружке, куда ввёл юношу-поэта А. Ф. Воейков, Николай и познакомился с бароном Дельвигом, Илличевским, Рылеевым, Баратынским, Очкиным. В это же время познакомился он с Грибоедовым и Одоевским).

А. Ф. Воейков начал печатать стихи Языкова в своём журнале «Новости литературы», А.Е. Измайлов – в «Благонамеренном». Все литераторы-издатели почувствовали в Языкове быстро созревающий поэтический талант. Затем Воейков убедил молодого человека отправиться для продолжения образования в Дерптский университет. В конце 1822 года Языков прибыл в Дерпт. Когда Николай получал образование в кадетском корпусе, учитель русского языка, Алексей Дмитриевич Марков давал частные уроки русской словесности, знакомя ученика с классическими произведениями отечественной словесности. Таким образом, юный отрок с увлечением читал Ломоносова и Державина.

Большая часть времени у молодого поэта проходила в сочинении стихов. Николай писал брату Александру в Симбирск: «Проклятая страсть к поэзии! Я чувствую, что она много у меня

отнимет хорошего, и, может быть, и всегда будет то же. Но что делать, пусть это так и останется. Справедливо сказал Шиллер, что страсть к поэзии сильна и пламенна, как первая любовь. Незнаю, какова первая любовь, но совершенно чувствую справедливость этого выражения».

Молодой поэт с большим рвением взялся за учёбу, даже признавался брату, что от непривычки кружится голова после ночных бдений, но это пройдёт. «Скоро привыкну, и тогда давай бог ноги на Парнас». Языков много читает, разбирает произведения других поэтов, интересуется: «Историей Малороссии» Каменского, «Историей» Карамзина, «Древними русскими стихотворениями» Цертелева, Пушкина «К войне».

Он писал брату: «Когда я хочу выразить мысль чужую, то мне в ту же минуту представляется собственная, и я уже думаю о своей». Поэт избегал всяческих подражаний: только несколько ранних произведений напоминают Батюшкова или Пушкина. Это ему не понравилось и уже в 1823–1824 гг. выработался его особенный – языковский стих, где привычные в русской поэзии ритмы неузнаваемо меняются путём пропуска ударений в строках, а также особым строением фразы – целого стихотворного периода (часто очень длинного), как бы влекущего читателя вперёд.

Увлечённый изучением литературы, он не посещает, как студенты, ни балы, ни собрания, ни танцы. Молодой поэт говорит, что, танцуя, вытряхиваешь ум из головы: этому примеров очень много.

А. А. Дельвиг в «Трудах общества любителей российской словености» посвящает сонет Н. М. Языкову:

...Младой певец, дорогою прекрасной Тебе идти к парнасским высотам.

Тебе венок (поверь моим словам) Плетёт Амур с Каменной сладкогласной. Из письма А. С. Пушкина А. А. Дельвигу: «На днях попались мне твои прелестные сонеты – прочёл их с жадностью, восхищением и благодарностью за вдохновенное воспоминание нашей дружбы. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной Музе Баратынского».

Надежду любимых поэтов-друзей Н. Языков оправдывал своим трудом, изучая немецкий, греческий и латинский языки, своими студенческими песнями. И не забывал советовать своим братьям, читать Карамзина, повести Жуковского, новые стихи Пушкина, басню Крылова «Кошка и Соловей».

В. А. Жуковский в «Обзоре русской литературы 1823 года» выразил своё мнение, что молодой студент Дерптского университета имеет слог поэтический; он ещё не написал ничего важного, но во всём, что написал, видно дарование истинное, настоящее.

«Юный, вдохновенный певец отечественных доблестей, Языков, как весёлая надежда, пробуждает в сердце вашем прекрасные помыслы. Он исполнен поэтического огня и смелых картин. Слог его отсвечивается красотами первоклассных поэтов. Его дарование быстро идёт блистательным путём своим. Он сжат, ровен и силен. Чистота души и ясность мыслей пленительны в его стихах», – так расхваливал поэта П. А. Плетнёв в литературном альманахе «Северные цветы», 1825 год.

Творчеством и личностью Языкова заинтересовался Пушкин. 20 сентября 1824 года он пишет А. Н. Вульфу, учившемуся в Дерптском университете:

«Здравствуй, Вульф, приятель мой!

Приезжай сюда зимой,

Да Языкова поэта

Затащи ко мне с собой...»

1824 году А. Пушкин написал стихотворение «К Языкову».

Издревле сладостный союз

Поэтов меж собой связует;

Они жрецы единых муз;

Единый пламень их волнует;

Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе...»

«Очень хорошо бы было, когда б вы исполнили ваше предложение приехать сюда, хотя я не имею чести знать Языкова, но от моего имени пригласи его, чтоб он оживил Тригорское своим присутствием», – писала владелица села Прасковья Александра Осипова, мать Вульфа, приятеля А. Пушкина.

Только в 1826 году Языков с Вульфом пожелал поехать в Тригорское. Он сообщает об этом брату Александру: «...в начале летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печоры, места, священные музе русской, а ты знаешь, как на меня они действуют!»

Вернувшись в Дерпт из Тригорского, Языков пишет послание к Пушкину, в чём утверждал с полной верой в своё равенство с ним там, в Тригорском, – «Ты да Я»:

Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз –
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.

Пребывание в Тригорском «приятное и сладостное» Языков воспел поэмой, «пламенно и торжественно.

".....туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зелёный,
Где дремлет Сороти студёной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной серебристым.

...

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!

1826 г.

"К П.А.Осиповой"

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей каменною ленивой,
Я своенравно отдыхал

Вдали удушливого света
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
1827 г.

Из Михайловское 9.XI.1826 года А.С.Пушкин сообщает Вяземскому:

"Вот я и в деревне. Доехал благополучно. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Москва оставила во мне неприятное впечатление. Здесь нашёл я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнёт".

4

1829 г. Языков решил для себя, точно оставить Дерпт: "Мне бы только добраться до родных мест, до Языкова (родительское поместье), а там-то я застихотворствую! Эта надежда меня теперь утешает, как ребёнка и А.Н.Вульф у пишет: "Кланяйся Пушкину. Первое моё дело литературное в Симбирске будет отповедь к нему о моём житье-бытьё".

До Москвы он и Петерсон поедут через Псков, Новгород. Своему брату пишет, что есть у него поэтические виды на эти города. Если возможно будет, то постараются осмотреть матушку-Москву, как можно подробнее: она достойна этого, есть живая история старины русской и всегда будет священна нашему брату, поэту российскому!

"Друзья (дерптские однодумцы, как называл Ямщиков), проводив в дальнюю дорогу Языкова, Петерсона, были огорчены. На обратном пути кто-то затевал грустную песню, но тотчас же прерывали его, и снова раздавался грустный напев: "В последний раз приволье жизни братской..." -вспоминал А.Н.Татаринов, 1870-е.

В мае 1829 года Языков приехал в Москву.

За семь лет пребывания в Дерпте Н.Языков приобрёл солидное образование, так что, явившись в Москву, он вошёл равным в среду образованнейших людей древней русской столицы.

И.В.Киреевский привёз его к Погодину, который отметил в своём "Дневнике" : " Очень прост и не виден", но вскоре они хорошо познакомились и сдружились.

Много утешения доставляла Погодину его дружба с поэтом. Языков был ревностным сотрудником "Московского вестника". Они вместе читали Гизо беседовали о Ломоносове и о необходимости соорудить ему памятник, о Жуковском, вместе странствовали по монастырям и в Симонове заслушивались пением "Со святыми упокой"... , смотрели оттуда на Москву. Вместе посещают князя Вяземского, который к Языкову питал особое расположение. Языкову же поверял Погодин и свои литературные произведения и благодушно выслушивал от него беспристрастные отзывы.

Осенью 1830 года к Москве приблизилась холера. Жители разъезжались, кто куда мог. С наступлением морозов холера прекратилась. Языков оставался в Москве, продолжая работу. В декабре 1830 года из Болдина, дождавшись снятия карантинных, приехал Пушкин. Снова начались дружеские сходки. Пушкин читает у Елагиных, у Погодина, у Свербеевых многое из написанного в деревне.

Хвалебные стихи продолжали писать Н.Языкову:

Е.А.Баратынский -

"...Но я люблю восторг удалый,

Разгульный жар твоих стихов.

Дай руку мне: ты славный малый,

Ты в цвете жизни, ты здоров;

И неумеренную радость,

Счастливцев , славить ты в правах...."

1831 г.

Баратынский отвечает Н.Языкову на письмо - " Твои студенческие элегии дойдут до потомства, но ты прав, что хочешь избрать другую дорогу. С возможностью поэта должна мучать и его поэзия. Без того не будет истины и настоящего вдохновения". 1832 г.

И сам Н.Языков утверждает, что пора переменить направление в поэзии. Так и будет с 1832 года. Он занимается переводом гомеопатических таблиц Гартлауба. Работа трудная. Но одолели головные, глазные и ушные боли.

Собирает народные песни, находясь в Симбирске, занят, занимается делом. И.В.Киреевский спрашивает Николая Михайловича о его возвращении, "потому что скучно и пусто, и не хватает тебя". Языков занимается не только своим лечением, но и общественно-политической работой, помогая средствами на издание журнала "Европейца". По организации сооружения памятника Карамзину в Симбирске.

М. П. Погодину пишет Языков: " До вас, конечно, дошёл слух о сооружении памятника бессмертному Карамзину. Здесь произошло чрезвычайное кипение умов дворянских по сему случаю. Приношения – далеко превосходят ожидания всех знающих малопросвещённость стран Приволжских, Азии порубежных. Как идёт это дело в Москве? Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню. Он ездил собирать изустные и письменные известия о Пугачёве, историей времён которого будто бы теперь занимается".

Когда же начались приготовления по сооружению памятника Карамзину в Симбирске, М. А. Дмитриев взял с Погодина слово написать похвальное слово историографу, и он выразил своё согласие.

Из Дерпта в 1833 г. П.А. Вяземский спешит сообщить Н. Языкову:

"Я у тебя в гостях, Языков!

Я в княжестве твоих стихов,

Где эхо не забыло кликов

Твоих восторгов и пиров.

Я в Дерпте, павшем пред тобою!

Его твой стих завоевал:

Ты рифмоносною рукою

Дерпт за собою записал.

Ты русским духом, русской речью

В нём православья поднял тень

И русских рифм своих картечью

Вновь Дерпту задал Юрьев день.

Хвала тебе!"

Рецензент на "Стихотворения Н.Языкова" пишет в "Московском телеграфе" – как бы подтверждает, сказанное Вяземским-

" Стих г-на Языкова закалён громом и огнём русского языка. Немногие из стихотворцев русских умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданностью оборотов нашего могучего языка! "

5

А в это время уже подбирались к Н.Языкову недуги. Энергия его ослабевала. Не удалось Языкову пожить спокойно в Москве. Первый же визит Иноземцева решил его дальнейшую участь; знаменитый доктор, тщательно осмотрев пациента, дал ему совет как можно скорее ехать за границу. Родственники Николая Михайловича сочли положение его не только серьёзным, но и опасным, и даже безнадёжным.

Медики предписали Языкову путешествие на воды, в Мариенбад. Сопровождать его вызвался Пётр Киреевский 28июня 1838 год.

За выездом из Москвы, за Дорогомиловской заставой, он с восторгом любовался видом с Поклонной горы на столицу; с большим любопытством осмотрел он и знаменитое Бородинское поле.

В сентябре они переехали в Ганау, а в декабре на смену П.Киреевскому приехал брат поэта Пётр Михайлович Языков. В июле 1839 года Языков познакомился с Гоголем. Гоголь ехал в Мариенбад для встречи с Погодиным, Шевырёвым и Шафакиром, где их лечил общий знаменитый доктор Копп.

В Ганау, куда прибыл Языков на лечение, с ним встретился П.А.Вяземский, который позже вспоминал: "Я знал его в Москве полным, румяным. Теперь предо мною был старик согбенный, иссохший; с трудом передвигал он ноги, с трудом переводил дыхание. Тело изнемогло под бременем страданий, но духом был он покорен и бодр, хотя и скучал. Чистая, кровная славянская порода его не могла ужиться в неметчине. Мало прислушиваясь к движению немецкой и западной умственной деятельности, он в Германии окружён был русскими книгами, жил русской жизнью, которую носил в груди своей, в чувствах, привычках и помышлениях".

За границей Н. Языков знакомится с Бакуниным, Баратынским, Гоголем, и другими поэтами, передовыми людьми того времени, с которыми переписка не прекращалась до конца лечения Языкова за границей и в Москве.

В Москву он возвратился в августе 1843 года. И снова активная работа, встречи, письма, обсуждения литературных произведений.

Московские воды ему не помогли, брат Петр Михайлович известил о кончине Николая Михайловича Языкова 26-го декабря 1846 года.

Многие поэты, друзья мигом откликнулись о печальном известии, посвятили поэту свои стихотворное соболезнование.

В Память Н.М.Языкову
"Умолк поэт живых созвучий,
Певец разгульных юных дней!
Из стаи Пушкина певучей
Вспорхнул последний соловей!
М.А.Дмитриев. 27.ХП, 1846, Москва

"Ты, душой не ослабевший
Под болезненным ярмом,
Ты, сверкавший, ты, гремевший
Огнедышащим огнём.
Складкой русской, краской местной
Ты поэт наш коренной!
Пушкин был отец твой крёстный,
А Державин прадед твой.

....
Исполать тебе, дружище,
Не поддался ты судьбе,
И в душах и на кладбище
Память вечная тебе!
П.А.Вяземский. 1853.

Заключение

Н.М.Языков не падал духом, борясь с длительной болезнью, старался работать над собой, держать себя в рабочем состоянии. Продолжал писать стихи, занимался переводами. Друзья не оставляли его одного, те, кто были за границей, то обязательно навещали. Переписка не прекращалась, письма, письма.

Моё знакомство (автора) с поэтом Н. М. Языковым началось со стихотворения о Тригорском, где он общался, подружился и не расставался с А.Пушкиным-

"Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз -
Постановили своенравно
Наш поэтический союз"

Дорогой мой читатель, ещё много можно писать, рассказывать об этом удивительном человек, который " вырос на светлых холмах и равнинах..." Пока я знакомилась с его биографией, с его стихами, поэмами, мне показалось, что стал он мне роднее с его русской, открытой, доброй душой.

Поэту Языкову
Судьба сулила быть поэтом -
Божествен слог его речей.
И Языков мечтал при этом -
Слагать о Родине своей
Слагал, и пели беспрестанно
О Волге – матушке реке.
О старине Руси он рано
Поэмы собирал в букет.
В посланиях своих любезных
Он сердце, душу открывал.
И этим был уже полезен,
И как по Родине скучал.
Скучал, томился на чужбине,
Желал увидеть край родной.
Таков удел его с причиной-
Любви был предан всей душой.
О Языков, поэт ты славный,
Плеяды пушкинских времён.
И всем поэтам стал ты равным,
И был в друзей своих влюблён.
Вот так, ты послан мне отрадой,
Явился в полночь зимних дней.
И памятью, и мне наградой
Твой образ мигом стал милей.

Хотелось бы, читатель мой, чтобы прочитали стихи Н М. Языкова. Он действительно был бы нашим, как "наш Пушкин", если бы ни смерть, которая завладела им в расцвете творческого пути на 43-ем году жизни.

Года, года...
Болеет человек, стареет -
Об этом знаем, вот напасть.
Закатным опахалом веет
Недуг, пришедший в грозный час.
На что нам боль, на что страданье?
Ведь знаем, тленный человек.
Лишь остаётся мирозданье
Где жил, трудился он весь век...

2010 г.

Литература: «Московский Парнас» – Свободомыслящая лира – Языков Н.М. (материалы о его жизни, творчестве и общественно-политической деятельности); Н.В.Гоголь «Избранные статьи», М.А.Дмитриев «Московские элегии».

03.2016 г.

В.А.Соллогуб – (1813 – 1882 гг).

Какой смысл, когда берем в руки книгу, открываем и читаем первые строчки странички, что мы хотим узнать из этих строк? Ничего. Слова не затронули душу. А, что трогает? Как на это посмотреть...

О писателе В.А. Соллогубе когда-то мельком из школьной программы, что был, жил он в пушкинское время. О произведениях, если это не литературный институт, не было и речи. Может быть и зря! Потому как, каждый писатель пишет о своем времени, излагает мысли своих героев, разумеется, присущие тому времени, тем более, пушкинское.

Если Вы, дорогой мой читатель, любознательны и найдете час, и прочитаете далее о В.А.Соллогубе, то Вам не покажется время потраченным, т.к. вы узнаете, что писатель был не простым, а своеобразным человеком, не такой, как все из " высшего общества".

"А почему?"– спросите Вы. Вопрос ваш уместен. Значит, продолжим разговор о том далеком времени, когда начиналась зарождаться " натуральная школа" в литературе, основателем был Н.Гоголь, как отметил литературный критик В.Г.Белинский. В. А.Соллогуб жил в Пушкинское время и этого достаточно, чтобы узнать о людях еще больше, чем мы знаем!

1

Жизнь Владимира Александровича Соллогуба (1813-1882) была долгой, а литературная слава – громкой, но короткой. Было время, когда имя его В.Г.Белинский, литературный критик, ставил рядом с именами Лермонтова, Гоголя. " Простота и верное чувство действительности составляют неотъемлемую принадлежность повестей графа Соллогуба. В этом отношении теперь после Гоголя он первый писатель в современной русской литературе. Проза В.Соллогуба человечески и художественно значительна и не похожа на прозу его великих предшественников и современников. Когда человек берется за перо, он хочет выговорить свое, то, чего другой не скажет. Соллогуб свое выговорил" – так писал критик в 1842 г.

А, чтобы "выговориться", надо прочувствовать жизнь такой, какой она есть.

2

Владимир Александрович Соллогуб принадлежал к титулованной аристократии. Он унаследовал светскую легкость, артистизм поведения, граничащий подчас с легкомыслием. Эта житейская "легкость" перешла от отца Александра Ивановича. Отец был театралом и меценатом, почти "достопримечательностью" светского Петербурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.